

ВКУС СКАНДАЛА

Интимные тайны Советского Союза

Эдуард МАКАРЕВИЧ

Страсть в Советском Союзе?!
Массовая, сексуальная?!
«Да такое невозможно!» —
скажут оппоненты в один голос.

Еще как возможно.

Чем больше страна стиснута
жестокими обстоятельствами,
тем больше в ней накапливается
сексуальной энергии и тем
изощреннее становятся способы
разрядки этой энергии.

Вкус скандала

Эдуард Макаревич

**Интимные тайны
Советского Союза**

«Алисторус»

2007

Макаревич Э. Ф.

Интимные тайны Советского Союза / Э. Ф. Макаревич —
«Алисторус», 2007 — (Вкус скандала)

В книге Эдуарда Федоровича Макаревича рассказывается об интимной сфере жизни советских людей, которая долгие годы не предавалась огласке. Вопреки известному утверждению о том, что в Советском Союзе секса нет, автор доказывает обратное: сексуальная жизнь советского человека была не менее насыщенной, чем на Западе. В СССР существовали и свои секс-символы, такие, как Валентина Серова, Зоя Федорова, Лидия Смирнова, и свои «секс-бомбы» – Лиля Брик, Зинаида Райх и другие, – которые оказывали значительное влияние на политику страны и на ее руководителей.

© Макаревич Э. Ф., 2007

© Алисторус, 2007

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	6
Когда секс вырвался на свободу?	6
Теория и практика Александры Коллонтай	9
Особенности любви по Коллонтай во времена НЭПа	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Эдуард Федорович Макаревич

Интимные тайны Советского Союза

Предисловие

О тайных страстях в Советском Союзе

Страсть всегда подразумевает тайну. Прежде всего интимную, то есть сокровенную, доверительную. Но что такое страсть? Выхождение человека из себя. Это по определению эмигрантского писателя Бориса Зайцева в ответ на бунинские рассказы о любви. Но как точно! Страсть как выход за границы самого себя, высшая точка вознесения. Что есть страсть, как не сильное чувственное влечение, как не воодушевление, окрашивающее дела поколения сексуальным мотивом.

Эта книга о жизни, о политике, о нравах, пропитанных страстью, умноженной на национальный характер. Страсть в Советском Союзе?! Массовая, сексуальная?! «Да такое невозможно!» – скажут оппоненты в один голос.

Еще как возможно. Здесь формула проста. Чем больше страна стиснута жестокими обстоятельствами, чем острее социальные конфликты, чем тверже социальный контроль публики, тем больше сублимируется сексуальной энергии и тем изобретательней становятся ее выходы, тем изощреннее способы оргастической разрядки биологической энергии. Особенно, если страна под названием Советский Союз уже вкусила пряный запах сексуальной революции на пороге своего рождения.

Великая Октябрьская социалистическая революция шла рука об руку с великой сексуальной революцией в России, начатой Первой мировой войной. Об этой необычной революции пойдет речь, о героях и жертвах ее, о чувственности в эпоху Сталина, о том, как власть умирjala эту чувственность, и что из этого вышло. Салоны – омуты страсти советской элиты, соединившие подругу Маяковского Лилию Брик и заместителя наркома госбезопасности Агранова, писателя Михаила Шолохова и Евгению Ежову – жену кровавого наркома внутренних дел, соединившие многих неожиданных людей под пологом московских квартир.

В год 45-й «советская» страсть полыхнула в Европе. Сдержать сексуальный натиск Красной Армии, добившей фашизм, стоило великих усилий кремлевской власти. Позже, когда рухнул Советский Союз, Европа вновь испытала сексуальный натиск – теперь уже внушек тех солдат, что когда-то освобождали ее. Павшая страна расплачивалась с Западом сырьем и женским телом.

Такая была история страны. О ней речь на основе воспоминаний участников событий, многочисленных архивных документов: империя страсти, империя пассионариев глазами элиты, народа и спецслужб.

Часть 1

Советская Россия: от крылатого к бескрылому эросу

Когда секс вырвался на свободу?

Вряд ли можно утверждать, что во времена Сталина произошла в России сексуальная революция. Но что взросление ее пришлось на годы его правления, и эти годы набросили на нее соответствующую тень – скорее всего можно. Хотя есть устоявшаяся точка зрения, что сексуальный взрыв – это явление второй половины двадцатого века.

К сегодняшнему дню образовались горы литературы, исследований и мнений на сей счет. Одни увязывают эту революцию с «молодежной» революцией в Европе в 1968 году, другие с открытием противозачаточных таблеток, сделавших женщину свободной, третьи с мощным наступлением телевидения, Интернета, видео и даже колготок. Четвертые... А были пятые, шестые и седьмые... Двадцатый век оказался силен на всякие социальные потрясения и открытия, на прорывные технологии. Но все же, все же, какое событие «запустило» маховик сексуального смерча, трепавшего западный мир и Россию почти весь ушедший век? И прежде всего его первую половину, в России – сталинскую.

По размышлении оказывается, что все началось с мировой войны 1914 года, которая сумела загнать в окопы добрую половину мужчин из цивилизованных стран. Не профессиональные, а массовые миллионные армии держали фронты, делая противоестественной жизнь в тылу. Она, Первая мировая, вытолкнула секс из темноты на свет, потому что счет шел на миллионы. 20 миллионов солдат с обеих сторон, 10 миллионов смертей, 800 тысяч сестер милосердия в действующих армиях, около 4 миллионов мирных граждан, вовлеченных в сражения и пострадавших от них; около 20 миллионов оставленных матерей, жен, невест, чьи сыновья, мужья и женихи на несколько лет зарылись в окопы, около 7 миллионов невест и вдов, к которым не вернулись их парни и мужчины, погибшие на фронте.

Свидетели не врут. Особенно те, кто был втиснут в водоворот этой похоти, как немецкий художник Ганс Грундиг: «Женщины, повсюду было множество женщин, – у штампов, у токарных станков, у автоматов; истощенные, пожелтевшие, они выполняли свою работу без улыбки, без смеха. Пожилые мужчины, уцелевшие от последней мобилизации, стояли у своих станков в угрюмом безмолвии, работали без единой шутки. А среди них во всех цехах сновали мальчишки-подростки. Только они и были в хорошем настроении. Станный мир открылся мне! Люди говорили почти исключительно о еде! Чем кормят сегодня в столовой? Где бы раздобыть несколько картофелин? Что бы обменять на продукты в воскресенье у крестьян? Не помню, шла ли когда-нибудь речь о жестокой войне. Ее словно куда-то отодвинули, каждый старался о ней забыть. Но она все-таки была здесь, незримая, зловещая, страшная для каждого из нас. Незримо присутствовало и нечто другое – нездоровое напряжение, которое исходило от женщин, стоявших у станков, и захлестывало юношей, едва достигших шестнадцатилетнего возраста. Прошло очень немного времени, и у них появились победоносные повадки – прямо петухи в курятнике... Однажды я случайно оказался свидетелем бурной оргии любви и соития; это произошло в обеденный перерыв на материальном складе. Словно баран перед новыми воротами, остановился я как вкопанный на пороге и просто не знал, куда деваться от смущения. Для меня бы, вероятно, все на этом и кончилось; разумеется, я никому бы и словом не обмолвился. Однако так легко отделаться мне не удалось. А все из-за Гертруды, которая с тех пор начала то и дело со мной заговаривать. „Ты никому не расскажешь?“ – „Ну конечно, не расскажу“, – твердил я... „И все-таки ты расскажешь, – заявила она, – если только не сдела-

ешь со мной то же, что видел на складе. Вот тогда ты и в самом деле будешь держать язык за зубами...“ Но что же было существенно в те времена? Прежде всего голод, вгрызавшийся людям в желудок, затем любовь, которой они были лишены. Но где же, где были молодые мужчины, полные сил, блестящих способностей и дарований? Они гнили во Фландрии и на Сомме, оторванные от родины, от жен и детей. Отвратительным кривым зеркалом любви был сексуальный угар, охвативший тех, кто остался дома...»¹. Такова была действительность.

Через десять лет после войны, в начале 30-х годов, социальный психоаналитик Вильгельм Райх, отодвинув Фрейда с его теорией, обескуражил общественность понятием сексуальной энергетики. Как сексуальное влечение, сексуальная напряженность влияют на социально-экономические процессы? По его мнению – доверимся научному языку, – одной из важнейших общественных предпосылок возникновения сексуальной энергетики на социальном уровне послужило создание гигантских отраслей промышленности с огромным числом рабочих и служащих. Этот процесс и потряс до основания двух центральных столпов моралистической антисексуальной атмосферы – мелкое предприятие и семью. Но главный удар нанесла война. Вырвав мужчин с заводов, она привела туда женщин. Мужчины – фронт, тыл и промышленность – женщины. Два полюса сексуальной энергетики.

Женщины и девушки, работавшие на фабриках и заводах, говорит Райх, усвоили более свободные представления о половой жизни, чем это удалось бы им сделать в условиях авторитарных семей их родителей. «Поскольку промышленные рабочие всегда отличались способностью к усвоению позитивных взглядов на сексуальность, процесс распада авторитарного морализма начал распространяться и в среде мелкой буржуазии. При сравнении современной мелкобуржуазной молодежи с мелкобуржуазной молодежью 1910 года нетрудно заметить, что разрыв между реальной сексуальностью и все еще господствующей социальной идеологией не только увеличился, но и стал непреодолимым. Идеал аскетической девушки стал чем-то постыдным»².

А на фронте миллионы отделенных от женщин молодых мужчин каждый день ходили по грани: жизнь – смерть, жизнь – смерть. В этом черно-белом существовании секс, забитый ожиданием смерти, становился едва ли не главным ощущением прошлой жизни и главным желанием будущей, если доведется выжить. Война порождала желание женщины, и она же убивала его. Вернувшиеся фронтовики, истерзанные газами и пулями, осколками снарядов и мин, не могли унять сексуальную лихорадку встретивших их женщин.

«Когда я был в итальянской армии, меня изрешетили шрапнелью, и мне пришлось провести некоторое время в урологическом отделении. Там я навидался этих несчастных – у них все было разорвано. Большинство пострадало от пехотных мин, которые были устроены так, чтобы разорвать все между ног. Непреложная теория гласит: ничто не может эффективнее и быстрее вывести солдата из строя, чем расстрел его яиц» – так рассказывал Эрнест Хэмингуэй, великий американский писатель, о своих ощущениях войны.

Пехотной миной по яйцам – это изобретение все той же, Первой мировой, по театрам сражений которой он таскался в своем санитарном автомобиле. Потом он эти ощущения связал с героем своего лучшего романа «Фиеста. И восходит солнце» Джейком Барнсом. Тот страдал от физической боли и сексуального бессилия при огромной любви к леди Эшли – героине того же повествования.

Светлый и печальный роман. Хэмингуэй так вжился в образ Барнса, что совершенно не мог заниматься любовью со своей второй женой Полин, как Барнс не мог проделывать это с леди Эшли. А Хэмингуэю, как и Барнсу, было всего-то от роду 25 лет. Врачи не помогли, не помог даже ежедневный стакан крови из свежей телячьей печени по утрам. И тогда любящая

¹ Hans Grundig. Zwischen Karneval und Aschermittwoch. Erinnerungen eines Malers. Dietz Verlag, Berlin, 1958, s. 48–50).

² Райх В. Психология масс и фашизм. Санкт-Петербург, 1997, с. 196.

жена сказала просто: «Сходи в церковь, помолись». Атеист Хэмингуей так и сделал. Вернулся, обнял Полин, и все получилось – мощно и чисто.

А Джейку Барнсу, солдату Первой мировой, ничего не помогло. Ему осталась только боль, окрашенная любовью и переданная так, что ее ощущаешь, как свою. Война разбудила эту любовь, и она же сделала ее несчастной – любовь без наслаждения сексом.

Такова война – она и разбудит, она и накажет. Боль, страдание, секс и смерть. Если не смерть, то часто искалеченная жизнь. Об этом же и документы французской контрразведки: «25 процентов французских солдат, побывавших в отпуске в Париже, заразились венерическими болезнями». Власти раздражались сентенциями о патриотизме: «Солдат, заболевший сифилисом, – не боец», призывали к осторожности, напоминали о семье. Какая семья? Разбуженное фронтом желание не знало границ. Никакие увещевания не помогали. Тогда моралистов подвинули и ситуацию отдали на откуп врачам. По их совету солдат вооружили ртутной мазью. Сексуальный накал становился жарче, но заболеваемость только по Парижу снизилась до 5 процентов.

Из Первой мировой войны Европа вышла другой. Военная отравка изменила мироощущение мужчин и женщин, пределы доступного, границы любви, наслаждения и боли. Оставшиеся в живых потащили это в мирную жизнь. Эрнест Хэмингуей, Эрих Ремарк, Ричард Олдингтон писали о потерянном поколении, изувеченном войной. Антивоенный настрой этого поколения тихо потом растворялся в омуте разврата. Чувства к женщине все чаще окрашивались в цвета грязи, пошлости, хулиганства плоти. Второй роман Хэмингуея после «Фиесты» – «Прощай, оружие!» можно назвать «Прощай, любовь!». Любовь кончается, и наступает пустота нарастающего греха. Любовь, отравленную ядом изощренной сексуальности, породила послевоенная Европа. Сексуальная энергетика нашла себя в стремительности сексуальных контактов вне семейного и любовного поля.

Во время войны и после изменилась сексуальная температура общества в Германии, во Франции, в России, да и во всех развитых промышленных странах, вовлеченных в военную мясорубку. Только Америка задержалась – далеко была. Это был новый феномен – резко взлетевшее сексуальное напряжение в обществе. Дьявола выпустили. И он прекрасно нашел себя в цивилизации двадцатого века, окрепнув потом в испытаниях и Второй мировой войны, и холодной. И породил бесчисленных героев и жертв новой сексуальности, ставшей постоянным спутником современного мира.

Теория и практика Александры Коллонтай

В России ситуация особая. После Первой мировой и потом Гражданской войн (шесть лет боевых действий) женщин в стране стало на 4 миллиона больше, чем мужчин. Причем, женщин в расцвете лет. Они-то и стали сияющим полюсом сексуальной напряженности в обществе. И власть, к тому времени большевиков, придала этой напряженности идейную заостренность, обернутую в теоретические изыскания.

Теретиком выступила заметный деятель Российской коммунистической партии Александра Михайловна Коллонтай. Целый свод работ по социологии секса выпорхнул из-под ее пера. Еще в дореволюционной эмиграции, предвосхищая Вильгельма Райха, она сочиняет «Социальные основы женского вопроса» (1909). В 1919 году в роли наркома пропаганды и агитации Крымской советской республики и начальника политотдела Крымской армии она пишет труд под названием «Новая мораль и рабочий класс». С 1920 года она заведует женским отделом Центрального Комитета большевистской партии, партии у власти. И здесь она выдает сочинение «Семья и коммунистическое государство», и следом самое заметное и громкое произведение «Дорогу крылатому эросу» (1923). А позже, на дипломатической работе, рождает не менее знаменитую книгу «Любовь пчел трудовых» (1924). А сколько статей, заметок, полемических ответов в газетах и журналах! Все написанное – гимн сексуальной свободе. Она выступает за сверхсвободную любовь и с большевистской откровенностью говорит о необходимости разрушения семьи, потому что семья подрывает основной «принцип идеологии рабочего класса – товарищескую солидарность». Райх скажет потом: семья один из столпов анти-сексуальности. А по Коллонтай – семья бьет по сексуальной энергетике, сексуальной свободе. «„Половой коммунизм“ вместо семьи» – теоретическое достижение Коллонтай. А практический лозунг для России: «Дорогу крылатому эросу!» Чему и следовала сама в жизни.

Откуда она взялась в короне большевистской партии, этот сексуальный самородок? Дочь царского генерала Домонтовича Шуринька (так называли ее в семье) рано познала половую жизнь. Конечно, по тем временам. В 17 лет Шуринька по своей охоте вышла замуж за молодого офицера Владимира Коллонтая. И через год уже родила сына. И тогда же записала в дневнике: «Женщина во мне не была разбужена». Но скоро нашелся тот, кто разбудил. Друг семьи, тоже офицер, Саткевич. Вместе читали Чернышевского «Что делать?». Сеансы чтения кончились постелью.

Но хотелось большего, не только полового удовлетворения. Как-то бывшая учительница Шуриньки свела ее со Стасовой, известной большевичкой, соратницей Ленина. Так Шуринька попала в среду профессиональных революционеров. Там ее научили премудростям политической борьбы, которая и стала тем большим, чего она хотела. Но получалось так, что ее революционные дела всегда шли в обнимку с сексом. Сразу влюбилась в Петра Маслова, известного экономиста, по убеждениям социал-демократа и меньшевика, да еще и женатого. Роман и здесь быстро закончился постелью.

Да что там Петр Маслов! У нее роман с первым русским марксистом, с человеком, привившим марксизм России, женатым и солидным господином – Георгием Валентиновичем Плехановым. И следом, на одном дыхании с Карлом Либкнехтом – главным немецким социал-демократом. От теоретиков и вождей – к рабочим! Ее очередное увлечение – Саша Шляпников, рабочий из мещан, профессиональный большевик. Мировоззрение она ему выправила, да так, что он сочинил даже книгу «По заводам Франции и Германии». И в постели она его кое-чему научила.

Все же Александра Коллонтай являла собой женщину темпераментную и раскованную, никак не из тургеневских, и даже не из чеховских барышень. С такими данными только в агитаторы. Она и стала агитатором партии. Пламенным, как ее называли.

В преддверии Октябрьской революции Ленин отправил ее к матросам Балтики, чтобы возбудить их революционный пыл и одновременно заставить слушаться революционных командиров. Миловидная ладная женщина в черной кожанке смело входила в матросский круг. И держала речи. Аура у нее была сочная, жгучий взгляд с привораживающим голосом творили чудеса. Матросская братва сначала раздевала глазами, а потом внимала речам. Хлопала, ревела в поддержку, даже бескозырки бросала. Реакция десятков, а на линкорах и сотен мужиков в матросских робах на женщину, источающую женственность, была бешеная. Но рядом с ней был надежный человек, выделенный Центробалтом, матрос Дыбенко, эдакий медведь по сложению. Сильный, симпатичный мужик, волосы волной. Он ее скоро подавил своей энергетикой. А она и не сопротивлялась: «Люблю в нем сочетание крепкой воли и беспощадности». В нем она, наконец-то, нашла свою настоящую любовь. А его не остановило то, что она старше на семнадцать лет.

В феврале 1918 года наркомвоенмор Дыбенко провалил операцию под Нарвой. Арестовали военмора. И тогда Коллонтай у Ленина поручилась за него. А через пару дней оба исчезли. Троцкий, глава Реввоенсовета Республики, рвал и метал. Ведь власть на волоске! А они в Крыму нежились на море – «медовый» месяц.

«Расстрелять!» – зверел Троцкий.

«Расстрел не наказание, – парировал Ленин. – Предлагаю приговорить их к верности в течение пяти лет».

Ленин ошибся – верность кончилась через три с половиной года. У Дыбенко появились молодые любовницы. А у Коллонтай разыгралась ревность, против которой она так рьяно выступала в своих теоретических изысканиях. Она к тому времени заведует женотделом в ЦК партии и пишет новому партийному хозяину Сталину, чтобы ее направили на работу за рубеж: «Куда угодно по заданию партии». И здесь же категорическое: «Прошу больше не смешивать имена Коллонтай и Дыбенко. Наши пути разошлись».

Сталин внял, ее отправили главой дипломатической миссии и одновременно торгпредом в Норвегию. Она хорошо развернулась там, далеко от российской политики, от которой она устала больше, чем от Дыбенко. Но в которой, тем не менее успела перед Норвегией развернуться весьма шумно. С прежним своим любовником Александром Шляпниковым, тогда одним из руководителей советских профсоюзов, она создала группу «рабочей оппозиции». Их с Сашей идея – профсоюзы управляют народным хозяйством, а партия не вмешивается. И вообще в партии нехорошие тенденции – отрывается от рабочих, обрастает бюрократией. За эти взгляды и дал им бой Ленин на десятом партийном съезде. Их оппозицию разгромили. А Ленин обиделся, бросил ей в сердцах, проходя мимо: «Не ожидал! Теперь разрыв».

А в Норвегии хорошо. Пришла в себя. И вспыхнуло желание опять прижаться к Дыбенко. Выхлопотала визу. Приехал с радостью, красный комиссар. Каждая ночь была их. Расстались со скандалом, случайно узнала, что шлет телеграммы новой любовнице в Союз. Столько переживаний, а вот уехал, и что-то оборвалось. Самый дорогой ее мужчина. А скоро почувствовала, что беременна. Ужаснулась – в 51 год! Пришлось ложиться в клинику.

Все же, какая постылая бывает жизнь. Одна отрада, когда целиком уходишь в размышления по поводу свободной любви. Сколько написано, но теория недосказана. И вот еще одна попытка – готова рукопись и придумано название «Любовь пчел трудовых». Сочинительство, даже теоретическое, хорошо успокаивает. Появился и новый друг – французский коммунист Марсель Боди. Он из тех, кто может понять, душу успокоить.

А в Советском Союзе внутрипартийная борьба не утихает. Громы долетают и до нее. Коллеги-послы – многие симпатизируют Троцкому – с ней отношения держат. Она теперь в Москву наведывается по сугубо деловым причинам. В столице визиты и встречи, и в служебных кабинетах, и в квартирах: разговоры, прощупывание взглядами, полунамекami. Инте-

ресно, но выматывает. Приверженцы Троцкого тянут к себе. Она осторожничает, мысль молотком: подальше от них.

Вызвали к наркому Чичерину. Московский контролер вскрыл в посольстве перерасход средств. И на что? На платья для нее. В Берлине куплены почти пятьдесят. Она спокойна: элегантная одежда «работает» на престиж страны. Тем более, когда посол женщина. Чичерин, ломкий интеллигент, возмущен: «Вы представляете государство рабочих и крестьян, у нас другая мораль и другие вкусы». Не спорила, попросила оставить на дипломатической работе. Была Мексика, потом опять Норвегия, и, наконец, Швеция. Посол Советского Союза. Ее не тронули. В марте 1945 года сдала дела и тихо жила в Москве, предаваясь воспоминаниям и хлопоча за внука.

Чаше всего вновь переживала то хмельное время революции и Гражданской войны, романтическое, сексуально раскрепощенное. Вспоминала идеи свои в бесчисленных публикациях и лекциях, что были брошены ею в массы, возбужденные «Первой империалистической», а потом и Гражданской войной, и горевшие праведным сексом.

«Для классовых задач пролетариата совершенно безразлично, принимает ли любовь формы длительного оформленного союза или выражается в виде преходящей связи. Идеология рабочего класса не ставит никаких формальных границ любви»³.

«Что победит ревность? 1). Уверенность каждого мужчины и каждой женщины, что, лишаясь любимых ласк данного лица, они не лишаются возможности испытать любовно-половые наслаждения (смена и свобода общения служат этому гарантией). 2). Ослабление чувства собственности, отмирание чувства ПРАВА на другого...3). Ослабление индивидуализма, из которого вытекает стремление к самоутверждению себя через признание себя любимым человеком».

«Когда говорят о слишком свободных отношениях, то при этом совсем забывают, что эта молодежь почти совсем не прибегает к проституции. Что, спрашивается, лучше? Мещанин будет видеть в этом явлении „разврат“, защитник же нового быта увидит в этом оздоровление отношений»⁴.

Но она не просто бросала идеи, она стала активно их продвигать в массы. Всей своей богатой любовной практикой.

³ «Молодая гвардия», 1923, № 3, с. 122.

⁴ «Рабочий суд», 1926, № 5, с.366.

Особенности любви по Коллонтай во времена НЭПа

В 1923 году, когда она зажгла над советской Россией идею крылатого эроса, ее первой поддержала творческая интеллигенция. Та быстро переложила ее теоретические постулаты в жизненные правила:

«Жены, дружите с возлюбленными своего мужа»,

«Хорошая жена сама подбирает подходящую подругу своему мужу, а муж рекомендует жене своих товарищей».

Россия после Октябрьской революции стала страной, где секс не знал границ, а половая мораль превратилась в условное понятие. Походов к проституткам, правда, не было. Но появились иные формы вольного секса, по рецептам Коллонтай. Среди молодых ленинградцев особенно популярны стали «вечерки». Журнал «Смена» о нравах: «У нас распространены вечерки, где идет проба девушек, это, конечно, безобразие, но что же делать, раз публичных домов нет». По мнению молодого рабочего, девушки на такие «вечерки» приходят сами, – и ничего зазорного в этом нет, хотя может быть и похоже на публичные дома⁵.

Прокурор Ленинграда М. Л. Першин приехал как-то на завод «Красный путиловец» рассказать молодежи о сексуальных преступлениях. Потом в ряду записок получил такую: «А если у ребят невыдержка, нетерпелка, что делать?»⁶. Ничего прокурор не ответил. А в 1929 году в Ленинград пожаловала комиссия ЦК ВКП(б) по расследованию случаев так называемого «нетоварищеского обращения с девушками»⁷. Были тому большие причины. Тогдашние исследователи изучали ситуацию в Выборгском районе Ленинграда. Картина впечатляла. Половую жизнь до 18 лет начали 77,5 процента мужчин и 68 процентов женщин, а 16 процентов юношей вступили в половую связь в 14 лет. Многие молодые люди одновременно имели по два-три интимных партнера, особенно здесь выделялись комсомольские активисты. А в целом 56 процентов активной молодежи относилось к группе легкомысленной и распущенной⁸.

Количество внебрачных детей довольно-таки весомый показатель бесконтрольных половых связей. Здесь рабочий класс был в авангарде. В Ленинграде в 1927 году на 100 мужчин-рабочих родилось 3,3 внебрачных ребенка, а на 100 служащих – 1,5, а на 100 хозяев – 0,7⁹.

В 1923 году на совещании агитаторов по вопросам рабочего быта звучали такие речи.

Председатель губернского союза текстильщиков Марков: «Я предупреждаю, что на нас надвигается колоссальное бедствие... „свободная любовь“. От этой свободной любви коммунисты натворили ребятишек. Коммунистов потом мобилизовали, и на иждивении завкома остались чуть ли не две тысячи ребятишек. И если война дала нам массу инвалидов, то неправильное понимание свободной любви наградит нас еще большими уродами».

Секретарь Московского совета Дорофеев: «Революция внесла разложение в семью. Многие рабочие озорничают и не так понимают свободу, расходятся со своими женами».

Заведующая женотделом Московского комитета партии Цейтлина: «В литературе недостаточно освещаются вопросы отношений мужчины и женщины... Я знаю агитаторов, которые отвечают по тезисам товарищ Коллонтай. И на этой почве растет подбрасывание ребят».

И Троцкий, подводя итоги: «Надо признать, что семья, в том числе пролетарская, распалась».

⁵ «Смена», 1926, № 7, с. 14; № 11, с. 12.

⁶ ЦГА ИПД. Ф.К-202, Оп. 2. Д. 12. Л. 56.

⁷ ЦГА ИПД. Ф.К-156, Оп. 1а. Д. 9. Л. 93–94.

⁸ Кетлинская В., Слепков Вл. Жизнь без контроля. М., 1929, с. 37–45.

⁹ По данным Н. Лебиной.

Так было у рабочих. А что в студенчестве, самой отзывчивой части интеллигенции? Все тот же эрос без границ.

Только в России, в той атмосфере сексуальной суперсвободы, могло возникнуть летом 1925 года общество под призывным названием «Долой стыд!». Энтузиасты из студентов-гуманитариев, основавшие его, вдохновленные призывом Коллонтай, решили бороться со стыдом как с буржуазным предрассудком. Устраивая рекламные акции, они голыми маршировали по улицам. На желтых лентах, пересекавших наискось их потные тела, теснились слова «Долой стыд – буржуазный предрассудок». Особенно эффектно выглядели девушки: в одних туфельках, и с сумочкой в руке. Хождением по улицам дело не ограничилось, самые смелые активисты голышом ездили в трамвае, ходили в кино, обедали в общественных столовых. «У, нечистая сила», – шипели им вслед старушки, а дети бросали в них камни. Старшее поколение возмущалось, а молодое забавлялось такими сексуальными инновациями от «питерских» и московских студентов.

Студенты того времени были весьма охочи до секса. Некто Д. Ласс исследовал сексуальную жизнь студентов одесских вузов в 1926 году и написал книжку «Современное студенчество». Оттуда мы узнаем, что каждый пятый студент начал половую жизнь до 15 лет, половина между 17 и 19 годами. 63 процента юношей и 49 процентов девушек имели постоянные сексуальные контакты, как правило, случайные. Внебрачные связи были у 25 процентов женатых и замужних. И при этом 23,6 процента опрошенных вступали в связь с одним лицом, а 60,7 процента – с несколькими. Верили в любовь более 56 процентов. Но 85 процентов опрошенных в своем стремлении к сексу видят лишь способ удовлетворения физического влечения. Вслед за Лассом московский социолог Гельман выявил, что в начале двадцатых среди студенчества более 80,8 процента мужчин и более 50 процентов женщин имели кратковременные половые связи. И только лишь 4 процента парней объяснили свое половое сближение с девушкой любовью к ней¹⁰

¹⁰ Гельман И. Половая жизнь современной молодежи. М., 1923, с. 65–71.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.